

Александров Анатолий Алексеевич,
*кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Псковского
государственного объединенного
историко-архитектурного и
художественного музея-заповедника*

О НАЧАЛЕ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН

Упоминание о древнейшей славянской письменности – чертах и резах – содержится в известном «Сказании о письменах» Черноризца Храбра, написанном, по-видимому, в Болгарии. Там указано, что «...преже убо Словене не имеху книгъ, но чрътами и резами чътеху и гатааху, погани сущее; кръстивше же ся, римсками и гръчъскими писмены нуждаахуся (писати) словенску речь безъ устроения» (варианты к слову «резами» – «резанми», «нарезанми») [Вилинский, 1901, с. 37-38]. Нечто подобное было и у кельтов, которые использовали для записей греческое и латинское письмо [Аллен, 2010, с. 100-101]. Причины же, по которым кельты не использовали для этого свою огамику, уходят в сакральную область [Леру, 2001, с. 202-207]. Вполне вероятно, что практически полное отсутствие находок с присутствием «черт и рез» в славянских землях объясняется приблизительно так же. Слово «чътеху» может быть переведено двояко: либо «читали», либо «считали». Второе практически невероятно, поскольку по счётным биркам не погадаешь. Другое дело – руническая либо близкая к ней система.

К какому времени восходит указание Храбра о чертах и резах – точно неизвестно, во всяком случае, это ситуация до крещения славян – «погани сущее». Насколько задолго до крещения – это тоже неизвестно. Во всяком случае, чётко отмечено отсутствие книг у славян. Но во времена Храбра существовал только один вид книги – кодекс, который входит в массовое употребление в IV в. н. э. Вот таких книг – кодексов – у славян во времена «черт и рез» не было. Но до IV в. н. э. их не было и в античном мире. Там, до введения кодексов, в употреблении были свитки, для черновых записей применялись церы – дощечки с воском, а для переписки употреблялись небольшие тонкие прямоугольные деревянные дощечки, на которых надписи делались чернилами, как это известно по материалам раскопок остатков римского лагеря начала II в.н.э. близ Виндоланды на севере Англии [Рим. Эхо имперской славы, 1997, с. 123-127]. Были или не были свитки у славян – об этом текст Храбра не упоминает. Само же наличие черт и резов предполагает некую деревянную основу – либо бересту, либо, скорее, твёрдую плоскую поверхность.

Упоминание одного славянского имени есть в вотивной надписи 188 г. н. э. (времени правления императора Александра Севера) из провинциального римского городка Саварии (ныне Szombathely) в Верхней Паннонии – это имя Stlabon(ius) Fuscinus [Heineman, 1987, № 4150; Fitz, 1962, р. 88]. Как заметил А. Л. Погодин, «это – единичная форма, ещё плохо приспособленная и оторванная от родной почвы» [Погодин, 1902, с. 165]. Древнейшее проименование славян известно как на стлав-, так и на стлаб- [Александров, 2011а, с. 30-31]. Член римской провинциальной курии – это человек серьёзный, умеющий читать и писать. Вероятно, это легионер или ауксиллярий в отставке. Дата фиксирует начало знакомства славян с латинской письменностью.

Среди некоторых дореволюционных историков существовало мнение, что черты и резы – это нечто вроде южнославянских палочек со знаками, которые были этнографически исследованы ещё в XIX – начале XX вв. и назывались роваш или рабош. Их использовали неграмотные сборщики даны для её учёта. По сути дела, это усовершенствованные счётные палочки [Энциклопедия, 1911, с. 26-36]. Вопреки этим соображениям старых историков, в тексте прямо сказано, что черты и резы – это система письменности, с помощью которой можно было читать и гадать. Последнее живо напоминает применение ранних германских знаков или рун, с помощью которых также производились гадания, что живо описано у Тацита, когда «срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придётся, на белоснежную ткань». Затем жрец или глава семьи, «...вознеся молитву богам и устремив взор в небо, трижды вынимает по одной плашке и толкает предрекаемое» [Тацит, Герм., 10]. Подобное гадание по палочкам со знаками, брошенными в воду, описано и в русской былине, где дружины князя Романа Митриевича перед походом

Резали жеребья липовы,
Кидали в реку на Смородину,
Всяк на своем жеребьи надписывал.
Которой силы бысть убиты,
Тыя жеребья камнем ко дну;
Которой силы быть зранены,
Тыя жеребья против быстрины пошли.
Которой силы быть не ранены,
Тыя жеребья по воды пошли.

[Наезд литовцев, 1910, № 152, с. 365].

Такой способ гадания – это глубокая языческая архаика. Как и чем надписывали «жеребья» во время этой изначальной архаики – вопрос интересный. Правда, здесь велика вероят-

ность того, что былина описывает северогерманскую руническую традицию, которая в древнейшее былинное время ещё существовала в Ранней Руси и могла применяться в дружинной среде. Так что, какие знаки имела в виду былина, об этом, опять же, можно только... гадать.

На протяжении своей истории, в первой половине I тысячелетия н. э., славяне последовательно сталкивались с тремя системами письменности: с греческим письмом, с латинским письмом и с готским письмом, которое пришло к готам в IV веке н. э. в связи с их христианизацией и переводом готским епископом Ульфилой Библии на готский язык (см. ниже). Ни одна из этих систем с «чертами и резами» не сопоставима.

Само слово «грамота» является прямым заимствованием из греческого γράμματα – множественное число со значениями «письменные знаки, буквы, надписи, книги, сочинения, записи, чтение и письмо» [Фасмер, I, 1986, с. 451; Вейсман, 1991, стб. 227]. Заимствование естественное, поскольку раньше греческой письменности в Северном Причерноморье, *ergo*, в Восточной Европе, вообще ничего не было. Но иметь понятие о письменности – это вовсе не то же самое, что уметь читать и писать. По-видимому, у праславян были какие-то контакты с грамотными греческими купцами, где они эту греческую «грамоту» воочию видели, а на городищах юхновской археологической культуры в Подесенье (см. ниже) известны находки расписной чернофигурной греческой керамики, на которой, как известно, иногда есть и надписи. Но это языковое заимствование обнаруживает только поверхностное знакомство с греческой системой письма и обозначение названия этой системы как явления.

Некоторую хронологическую привязку могла бы дать этиология славянского слова «буква». Согласно Максу Фасмеру, «...несомненны связь с названием дерева бук (см.) и герман. происхождение. Вероятнее всего, источником явилось догот.

*bōkō, ср. гот. bōka, «буква», мн. ч. bōkōs, «книга, письмо, грамота» [Фасмер, I, 1986, с. 236]. «Буковая аргументация» использовалась для определения территории прародины славян, поскольку линия произрастания буквы не идёт восточнее линии Калининград – Одесса и славяне изначально не были знакомы с этим деревом. Следовательно, всё, что связано с букой, включая и приведённые Фасмером германские варианты происхождения слова «буква», – это к западу от приведённой границы. Доготские германцы в Восточной Европе известны уже с IV в. до н. э.: они упомянуты вместе с галлами–галатами в известном декрете Протогена из Ольвии, который датируется ныне в сторону его удревнения [Щукин, 1993, с. 97; Александров, 2011б, с. 7]. Но германские руны известны только со II в. н. э., так что всё суммарно как будто даёт возможность датировать заимствования слова и понятия «буква» около II-III вв. н. э. Готы же появились в Причерноморье только с начала III в. н. э., владея рунической письменностью, следы которой найдены на поселении Лепесовка [Тиханова, 1976, с. 12, 13, 15], а христианство и письменность обрели здесь же при епископе Ульфиле в IV в. н. э. [Беликов, 1886-1887, с. 45-56]. При этом основой для готской системы письменности стал греческий алфавит [Гухман, 1958, с. 30-33]. Впрочем, все эти соображения имеют прикладное значение, поскольку относятся к истории буквы и письма, так как «черты и резы» – это не «буквы», а способ их использования – прочерчивания и нарезки, это, строго говоря, не «письмо», предполагающее нанесение некоторого красочного слоя на основу. Так что, когда у славян появились знаки грамотности, упомянутые Черноризцем Храбром, установить пока нельзя.

В 1978 году вышла статья А. Г. Кузьмина «Славянское древнейшее письмо – “черты” и “резы”». Автор приводит данные об «ирландском следе» у славян, связанном с миссионерством ирландских монахов в славянских землях. Он отмечает,

что до VII-VIII вв. в Ирландии традиционно существовало огамическое письмо, связанное с именем его создателя – бога Огма. Огм, Огмий представлялся в виде старца, одетого в звериную шкуру, с палицей в руке. От языка божества отходили тонкие золотые цепочки, которые соединялись с ушами стоящих за ним людей [Широкова, 2004, с. 330-334].

Как и огамическое, славянское письмо, по мнению Кузьмина, также выражалось «чертами и резами», поскольку каждый знак изображался именно вертикальными «чертами» (или одной чертой) и «резами», которые наносились с двух сторон от вертикальной черты и были короче неё. Каждый знак огамики имел справа и слева от одной до пяти горизонтальных линий (Рис. 1, 2). Наиболее ранние огамические надписи име-

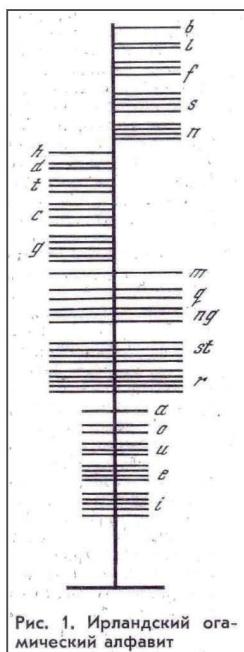

Рис. 1. Ирландский огамический алфавит

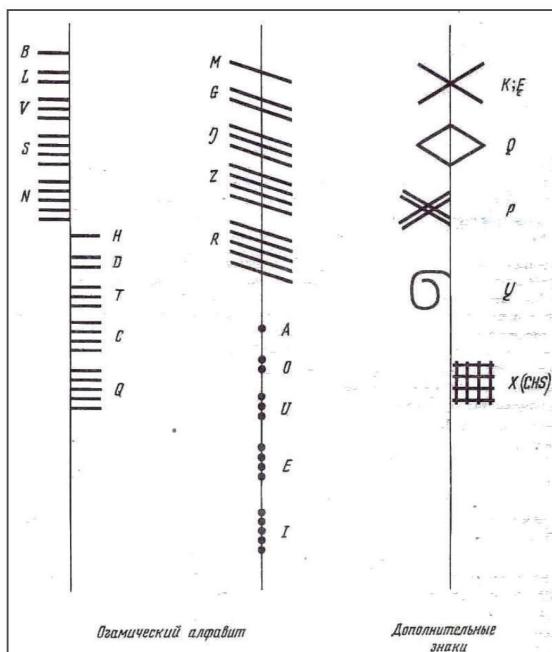

Рис. 1. Огамический алфавит по А. Г. Кузьмину

Рис. 2. Огамический алфавит по А. А. Королеву

ются только в Ирландии и Британии, где известны со II-III вв. н. э., хотя исследователи предполагают, что письменность Огма была распространена шире и применялась ранее II в. н. э. [Королёв, 1984, с. 22]. Поэтому предполагаемая дата возможного заимствования огамического письма славянами у кельтов могла относиться ко времени «...широких славяно-кельтских контактов в Центральной Европе в последние века до нашей и первые века нашей эры» [Кузьмин, 1978, с. 240-244].

Широких славяно-кельтских контактов в Центральной Европе в указанное время не вижу, поскольку славянская прародина, судя по последним разработкам исследователей, находилась в лесной полосе Восточной Европы [Мачинский, 2009, с. 460, 468-469]. А вот здесь контакты, как раз, были. При этом вопрос, кто у кого огамику заимствовал, напрашивается сам собой.

На самом эпонимном городище Юхновской археологической культуры в слое, относящемся ко II в. до н. э., были найдены «...предмет № 288 (высота 4 см) и пряслице № 287. На предмете № 288 узор состоит из ёлочек, чередующихся со значком в виде вертикальной линии с отходящими от неё у концов в разные стороны двумя короткими штрихами. На верхней части пряслица № 287 (высота его 3 см) находится тот же орнамент, но число коротких штрихов, отходящих от вертикальной линии, различно (2-3) (см. рисунок)» [Трубникова, 1938, с. 125-126]. Надпись на пряслице состоит из пяти знаков (Рис. 3). Напрашивается естественная аналогия со скандинавскими рунами: есть способ написания рун в виде «ёлочек» («ветвистые руны»), когда от вертикальной черты с двух сторон отходят с наклоном вниз или вверх несколько чёрточек. Черты слева обозначают номер рода (разбивка рун на три рода – последовательно роды Фрея, Тагеля и Тюра), а черты справа – номер руны, считая слева направо [Стрингольм, 1861, с. 172].

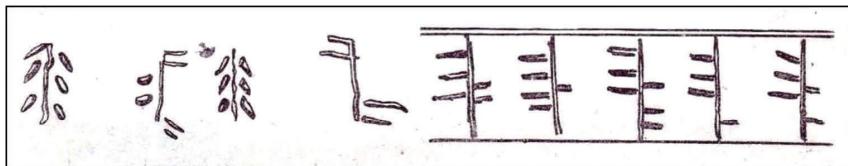

Рис. 3. Надпись с Юхновского городища

Самые ранние скандинавские руны известны со II в. н. э., тогда как юхновская надпись на четыре века старше. Кроме того, чёрточки, отходящие от вертикальной черты, здесь в каждом случае не наклонные, как на германских рунах, а горизонтальные. Разница существенная, поскольку на кельтских огамических надписях боковые чёрточки также горизонтальные. На скандинавских надписях такого рода число чёрточек слева от вертикальной черты не может быть более трёх, тогда как на юхновской надписи – до четырёх. Вполне возможно, что здесь перед намиprotoогамическая надпись, случайно уцелевшая только потому, что была нанесена не на дерево (органика не сохраняется в слое), а на прочную керамическую основу.

Если эта надпись кельтская, то возникает естественный вопрос о присутствии кельтов в Восточной Европе в указанное время. О кельтах–галлах сообщает Плутарх: «Галлы, народ кельтского племени, оставили, говорят, вследствие своей многочисленности, свою страну, которая не могла прокормить всех их, и отправились искать других земель. Их было много тысяч молодых воинственных людей; ещё больше было следовавших вслед за ними жён и детей. Одни из них переселили Рипейские горы, направились к берегам Северного моря и заняли север Европы, другие поселились в стране между Пиренеями и Альпами и долго жили вблизи сенонов и битуригов» [Плутарх, Сравн. жизн., Камилл, XV]. Дата рождения консула Марка Фурия Камилла точно не известна, но умер он в 364 г. до н. э., избран диктатором в 396 г. до н. э., так что эти сведе-

ния о кельтах могут относиться приблизительно к середине IV в. до н. э. Рипейские горы в этой ситуации – это Среднерусская возвышенность, на что обратил внимание ещё А. Сапунов [Сапунов, 1893, с. 22], а Северное море – Балтика. Это была первая волна кельтского расселения, о которой почти ничего не известно, – за два века до образования слоя с находками надписей на Юхновском городище.

Но была, судя по источникам, ещё и вторая кельтская волна расселения. Тот же Плутарх ссылается на греческого автора Посидония из Апамеи (135-51 гг. до н. э.), который отметил: «*…но некоторые утверждают, будто земля кельтов так велика и обширна, что от внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток от Меотиды и граничит со Скифией Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются, и отсюда начинается их передвижение, и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход, и не кочуют непрерывно, но каждое лето, снимаясь с места, продвигаются всё дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему матерiku. И хотя каждая часть племени носит своё имя, всё войско носит общее имя – кельтоскифы*» [Плутарх, Сравн. жизн., Гай Марий, XI]. Продвижение этих кельтоскифов некоторые исследователи связывают с появлением в Восточной Европе как раз в это время зарубинецкой археологической культуры, которую М. Б. Щукин связывает с хорошо известным в это время народом – с бастарнами [Щукин, 1999, с. 80]. Ряд античных источников прямо упоминает, что бастарны – это кельты. В составе бастарнов известно два племени – атмонов и сидонов. Так что кельты в момент появления интересующей нас надписи с Юхновского городища в Восточной Европе определённо были и свои материальные следы здесь оставили. Так, на территории Восточной Европы известно пять кельтских каменных идолов: д. Богово, северная часть Пушкиногорского р-на, Псковская обл.; г. Шклов,

север Белоруссии; г. Слоним, центр Белоруссии; д. Акулинино, Московская обл.; с. Нижний Ольчедаев, Западная Украина [Александров, 2011б, с. 12-17].

Было и обратное движение – с востока на запад. Так, известно, что при императоре Пробе в 280 г. и при императоре Диоклетиане в 295 г. после военного конфликта с готами бастарны двумя волнами ушли на территорию Римской империи [Моммзен, 1949, с. 215; Вольфрам, 2003, с. 88].

По-видимому, какие-то их группировки могли после этого продвинуться вплоть до Римской Галлии, где всё ещё звучал кельтский язык и где жило родственное им население, в том числе, там жила часть племени сидонов – в кантоне Валлис в Швейцарии и на территории Галлии в нынешнем департаменте Дроме, где существовало название места Бастерн-Акум, производное от названия Бастерна [Мади, 1967, с. 181-182]. Интересно, что ещё во время Карла Великого франкская военная повозка называлась «basterna» [Капитулярий о поместьях, 64], что может быть вероятным заимствованием от бастарнов, один из вариантов проименования которых – бастерны [Буданова, 1990, с. 163]. Теоретически, эти группировки вполне могли принести с собой в Западную Европу любые новации, приобретённые ими в Восточной Европе, в том числе – и знаки письма. Но... слишком поздно: огамика на Западе известна со II в. н. э., а исход бастарнов в Империю – это конец III в. н. э. Впрочем, восточные кельты-бастарны могли поддерживать какую-то связь с западными. Но гораздо проще предположить, что огамическая письменность существовала у кельтов очень рано, но никак не проявлялась в археологических материалах ввиду её сугубо сакрального применения только на органическом материале – на дереве. На периферии кельтского расселения сакральный запрет несколько размылся и – очень редко – надписи здесь могли наноситься на иные материалы.

Основные версии происхождения огамики собраны и проанализированы А. А. Королёвым [Королёв, 1984, с. 13-20]. Они демонстрируют довольно широкий разброс мнений. Примечательно, однако, что среди всех этих версий есть и версия Т. О'Рахилли о происхождении огамики в Ирландии с материка в I в. до н. э. [Королёв, 1984, с. 17]. В настоящее время преувеличивает версия чисто ирландского происхождения огамики в результате контактов со школьной системой преподавания латинского алфавита в западных провинциях Римской Империи [Королёв, 1984, с. 19]. Но юхновская находка как будто не умещается в прокрустово ложе этой версии.

ИСТОЧНИКИ

Капитулярий о поместьях // История средних веков (V-XV века) : хрестоматия. М. : Просвещение, 1969.

Наезд литовцев // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. М. : Сотрудник школ, 1910.

Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1987.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Сочинения : в 2 т. / Корнелий Тацит. Т. 1. М. : Ладомир, 1993.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А. А. Об имени князя Святослава на печати X века // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове : материалы круглого стола 19 мая 2011 года в Псковской областной универсальной научной библиотеке. Псков : ЛОГОС Плюс, 2011а.

Александров А. А. Кельтские каменные идолы в Восточной Европе // Земля Псковская, древняя и современная : материалы научно-практической конференции, посвящённой 135-летию Псковского музея, 28-29 ноября 2011 года. Псков, 2011б.

Аллен С. Кельты : властители битв. М. : ЭКСМО, 2010.

Беликов Д. Н. Христианство у готов // Православный Собеседник, 1886-1887; Буданова В. П. Готы в эпоху великого переселения народов. М. : Наука, 1990.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.

Вилинский С. Г. Сказание черноризца Храбра о письменах словенских. Одесса : «Экономическая» типография, 1901.

Вольфрам Х. Готы : От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб. : Ювента, 2003.

Гухман М. М. Готский язык. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

Королёв А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М. : Наука, 1984.

Кузьмин А. Г. Славянское древнейшее письмо – «черты» и «резы» // Древняя Русь и славяне. М. : Наука, 1978.

Леру Ф. Друиды. СПб. : Евразия, 2001.

Мади З. Припонтийские кельты // Античное общество : труды конференции по изучению проблем античности. М. : Наука, 1967.

Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII – середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. (Труды Государственного Эрмитажа ; XLIX).

Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М. : Иностранная литература, 1949.

Погодин А. Л. Эпиграфические следы славянства // Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902.

Рим : Эхо имперской славы. М. : Терра, 1997.

Сапунов А. П. Река Западная Двина. Витебск, 1893.

Стрингольм А. М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М. : Университетская типография, 1861.

Тиханова М. А. Следы рунической письменности в черняховской культуре // Средневековая Русь. М. : Наука, 1976.

Трубникова Н. В. К вопросу о Юхновском городище // Сборник статей по археологии СССР. М. : ГИМ, 1938. (Труды ГИМ ; Вып. 8).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М. : Прогресс, 1986.

Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М. : Астрель АСТ : Транзиткнига, 2004.

Щукин М. Б. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор : археологические материалы к конференции памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.

Щукин М. Б. Забытые бастарны // *Stratum plus*. – 1999. – № 5.

Энциклопедия славянской филологии / под ред. И. В. Ягича. Вып. 3. СПб. : Отд-ние рус. языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911.

Fitz J. A military history of Pannonia from the Marcomann wars to the death of Alexander Severus (180-235) // AAH. – 1962. – № 14.

Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL). Vol. 3 : Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Ps. 1. Berolini, 1987.